

УДК 327.2

ДИСКУРС АДАПТИВНОСТИ В ИСЛАМЕ: ОТ ИСЛАМИЗАЦИИ К РЕВАНШУ

Исаков Александр Сергеевич,

Институт философии и права,
Уральское отделение Российской академии наук,
аспирант,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: as.isacov@gmail.com

Аннотация

В статье исследуется феномен адаптивности в исламе через призму дискурс-анализа.

Ключевые слова:

ислам, исламизация, дискурс, адаптивность, евроинтеграция, глобализация.

Мобильность, адаптивность, успех. Интеграция, достижения, мягкая сила. Все эти термины характеризуют вызов, брошенный каждому государству глобализацией. Современность – мир после «конца истории», общество победившего либерализма, требует забыть о суверенитете и сосредоточить политику на цели достижения высокого уровня жизни, создания «welfare state». Выбор инструментария также ограничен – создания такой модели адаптивности, которая позволит государству интегрироваться в глобальный мир на наилучших для него условиях. Такая возможность остается только у тех обществ, чья структура максимально подвижна, а сам социум характеризуется высокой степенью мобильности и динамизма.

Универсалии западной политической науки полагают присущую аксиомичность необходимости в изменениях, подчеркивая актуальность политического развития согласно институциям неолиберализма, возведенным в ценностный канон. При этом понимание исторического развития как универсального и естественного процесса адаптации к вызовам глобализующегося мира не является присущим для восточной, в особенности – исламской, политики. Исламские общества, характеризующиеся высоким уровнем собственной автаркии, крайне неохотно

внедряют какие-либо изменения, особенно продиктованные гегемонизацией западного образа жизни.

Обретение Европой высокой степени мобильности и адаптивности исторически связано с необходимостью реакции на формирование новых рынков, появившихся с открытием нового света. В последствие, структурные изменения в экономике выразились в индустриализации, преобразившей конъюнктуру западного мира. Современные процессы европейской адаптивности самоактуализируются за счет евроинтеграции, как залога успешного совместного экономического развития.

Возникновение потребности в системном изменении политического пространства на востоке возникает только как результат крупных политических катастроф [8]. Одним из следствий великой схизмы в христианстве стала консолидация христиан в Европе и формирование особой религиозной идентичности на основе католицизма. Экстремумом данных процессов стала особо агрессивная форма проявления веры – крестовые походы. Историческое значение данных событий соизмеримо пространству Востока основополагающе в том плане, что силами крестоносцев был окончен так называемый «золотой век» классического ислама.

Конкретные политические последствия крестоносных войн для стран исламского востока заключались в возникновении раздробленности и потерей религиозного единства. Это вызвало экономические трудности, привело к обнищанию населения и способствовало деградации восточного общества. В религиозном контексте, это означало потерю возможности уммы жить исходя из идеалов собственной религиозной идентичности.

В такой ситуации актуализируется необходимость адаптации к условиям изменяющегося мира. Этому способствуют и побочные социально-политические процессы в умме, как нивелирование инертности уммы под влиянием социальных потрясений, ослабление общинного конформизма, появление инакомыслия [3, с. 21]. Данные процессы послужили истоком возникновения идей о необходимости конкретных политических изменений, в практической плоскости ассоциированных с религией. Подобная ассоциация становится возможной благодаря тому, что в рамках исламской политики дискурс-пространство традиционно характеризуется радикальными взглядами на изменения и религиозный модернизм как их систематизацию. Радикальный подход к религиозному модернизму предполагает априорное отношение к религии как к источнику изменений, имеющих прогрессивную презумпцию [2]. Таким образом, в основе адаптивности лежит религиозная санкция, позволяющая новации приобретать форму традиции.

Кумуляция подобных религиозных смыслов, осуществляющих социальный ревизионизм, зиждется в идеологической плоскости. Поскольку исламская восточная полития традиционно существует в состоянии ценностной автаркии, к ней не до конца применимы западные научные подходы к определению идеологии. Термин, которым может быть выражена аутентично исламская, религиозная идеология, – исламизм или идеология исламизма. Это понятие необходимо отделять от распространенных понятий исламского фундаментализма, предполагающего ультраконсервативное восприятие мира и усиление автаркии мусульманских государств. Также исламизм не является эквивалентом, принятому в западной политической науке, термину исламофашизм. В частности, американский политический эконо-

мист и футуролог Френсис Фукуяма делал акцент на том, что исламофашизм характеризует столкновение западной и мусульманской цивилизации, и со стороны последней принимает характер борьбы против современности [7, с. 107].

Современный исламизм представляется синкретичной идеологией, деконструкция смыслов которой придает характер адаптивности исламским политиям. В основе этой адаптивности как раз императивы изменения жизни общины, сопровождаемые сменой моделей религиозного поведения и переосмыслением догматики. Становление исламизма связано с салафизмом, как основой выражения фундаментализма веры в стезе необходимости адаптации. Салафиты первыми заложили традицию понимания необходимости институциональных изменений в обществе, основанных на религиозном догматизме. «Они [салафиты] требуют вернуться к Корану и Сунне, как единственной основе шариата и практикуют иджтихад, т. е. более и менее свободное суждение по богословски-юридическим вопросам, который практиковался в эпоху раннего ислама [5, с. 52]. Основным фундаментом исламизма выступает религиозно-мотивированная возможность человека переосмыслить свою роль в умме и современном мире. Догматически это оформляется через иджтихад – возможность самостоятельного суждения о религиозном обосновании тех или иных явлений. В связи с этим, стоит четко разделять исламизм как ценностное обоснование политических изменений и исламизм как обоснование деятельности реваншистских организаций.

Исламизм, как политический феномен, имеет прагматическое историческое значение адаптации исламских политий к условиям современности. Он противопоставляется внешнему модернистскому плюрализму в виде исторической кооперации западной и мусульманской цивилизаций в процессе обретения исламскими обществами своей конкурентоспособности. Актуализация данного подхода произошла под влиянием рефлексии событий так называемой «Арабской весны», включающей в себя череду арабских революций и массовых социальных волнений в мусульманском мире в целом. Ключевую роль в этих событиях сыграли именно представители интеллигенции, сформировавшие свое мировоззрение в ходе обучения в Европе.

Непосредственно обращаясь к пониманию исламизма как фактора изменений, необходимо отметить, что его последователи не имеют институционального оформления, однако, ставят перед собой политические цели, связанные с адаптацией восточных, в большей степени религиозных, традиций условиям современного мира. Исламизм в целом определяет политическую активность, производимую под эгидой религии, сферой непосредственной реализации которой становится идеологическое поле существующих политических режимов мусульманских стран [4]. Сама деятельность исходит из необходимости изменения общественных отношений и направлена на воплощение чисто светских, а не религиозных начинаний.

Как уже упоминалось, практическое решение светских проблем и поддержка способов их решения со стороны общества в теоцентричном пространстве исламской политики возможно только через апелляцию к религиозным нормам. Исламизм опирается на религиозную догматику через понятие «да'ва исламий» или исламского призыва. Закономерно говорить о том, что именно это – «главный инструмент разъяснения рядовым мусульманам политических и социальных установок, а также средство мобилизации» [5, с. 55].

Историческое оформление исламизма происходит в средние века. Его идейное рождение связано с именем сирийского улема Таки ад-Дина Ибн Таймийи, на сегодняшний день часто называемого «отцом исламской революции». Именно им было сформулировано само понимание священной войны, или джихада, как способа и необходимости достижения традиционных политических целей. Изначально исламизм был способом сохранения исламской идентичности и соответственного уклада жизни. Идейным наследником Таймийи стал Мухаммад Ибн Абд аль-Ваххаб, успешно пропагандировавший единство религии и политики. В его понимании политика становилась инструментом религиозной мысли, а проповедь – орудием борьбы за государственную консолидацию [5].

Совокупность взглядов аль-Ваххаба положили первую в исламе традицию радикального религиозного модернизма. Наследники первых исламистских идей объединились в движение ваххабитов, первоначально распространившееся

в Египте, Сирии, Ираке и Аравийском полуострове, а на сегодняшний день – по всему миру, своими действиями формируя своеобразный дискурс «исламской угрозы».

Взгляды на исламизм, как фактор сдерживания политической и культурной интервенции, которые фигурировали у улема Таймийи, а затем у аль-Ваххаба, являются актуальными только в кризисные моменты. Изначально, само учение ваххабизма, как практическая институционализация исламизма, было призвано решить практические геополитические задачи – объединить Аравию, сплотить умму и противодействовать западной интервенции. На сегодняшний день к такому пониманию исламизма, как политической борьбе, прибегают различные радикальные террористические экстремистские и фундаменталистские группировки, вроде Аль-Каеда или Хизбут-ут-Тахрир. По их мнению, реакционная борьба является способом исторического реванша, ослабляющего запад и возвышающего восток. Обосновывается это тем, что «если одна религия выбирает путь агрессии, все остальные получают право на самозащиту» [1, с. 31]. Данная деятельность все равно описывает политические изменения, для достижения которых используется неприемлемый инструментарий.

В качестве мировоззрения граждан, исламизм как идеология является катализатором адаптивности, так как детерминирует у населения потребность в конкретных социальных изменениях. Исламизм обеспечивает возможность выхода исламской цивилизации из кризисного состояния, путем приобретения конкурентоспособности. Последнее происходит посредством религиозно-политической инициативы, которая осуществляет преобразование всего общества.

Роль исламизма на сегодняшний день не ограничивается противостоянием всему, что не соответствует традиционным нормам ислама. Приверженцы исламизма, в том числе и радикальные ваххабиты, выступают политической силой охраняющей религию в целом. Понимание сохранения религии может варьироваться от изменений в контексте исламского призыва, до ультраконсервативного террора, однако, заставляющего его приверженцев адаптироваться под реалии современного мира. Именно поэтому в научном сообществе их принято рассматривать не с праг-

матических позиций, а как борцов за автаркию исламской политики в рамках глобализованного мира [6].

Ключевым моментом в понимании общей логики и философии исламизма является сущность его реализации в идеологической плоскости. Основа идеологической базы, сформированная на конкретных идеях, восходит к XVIII веку. Для мусульман этот период является началом окончательного упадка исламского мира, на протяжении которого обуславливаются его отношения с другими цивилизациями. В большей степени, речь идет о реализации дихотомии Запад-Восток, в процессе которой Запад обретает благополучие и власть, а Восток находится в состоянии перманентной деградации.

Подобное понимание постепенно формирует представление об ущербности отказа от адаптивности как таковой. Это доказывает позиция современного исламского духовенства, актуализирующего потребность в изменениях. Основой дифференциации потребности выступают религиозные различия. Общая стратификация осуществляется на суннизм и шиизм; кроме того ислам дифференцирован на правовые школы, мазхабы, придающие разный смысл возможности изменений. Основой для данных различий служит исторический контекст.

Суннизм допускает весьма умеренное использование религии как инструмента адаптации. В виду этого, в суннитских государствах религиозный модернизм имеет весьма вариативный характер. Наиболее часто изменения носят политически мотивированный характер, а реформы преподносятся как способ преодоления кризиса в обществе, возникшего в ходе еврохристианской экспансии. Эти тенденции одинаково прослеживаются как в умеренном ханафизме – в виде проектов модернизации Турции, Кавказа, Средней Азии; так и в консервативном ханбализме – изменения в Саудовской Аравии, целью которых служит диверсификация экономики.

Соответственно представлениям о неэффективной социально-экономической политике, как залога крушения господства исламской цивилизации, процессу адаптации придается практическое значение – избавиться от тех рудиментарных элементов общественных отношений, которые не отвечают требованиям глобализации. В подоб-

ном контексте, наиболее показательным опытом попытки адаптации суннитского государства к современности является Турция. Основателем государства – Мустафой Кемалем Ататюрком была создана уникальная система сдержек и противовесов, в основе которой – позиция военных как индикатор роли религии в жизни социума.

В реальности, современная Турция осуществила национализацию ислама, сделав исламизм частью государственной идеологии, а духовенство – государственными служащими. Также в логике адаптации выстраивался курс национализма как антитезы космополитическому характеру традиционной исламской политики. На современном этапе возрастание роли исламизма трактуется с позиции строительства социального государства, залогом справедливости и нравственности которого выступает религия. Такой подход также позволяет стране претендовать на участие в процессах евроинтеграции. Кроме того, определенные достижения этой страны в адаптации собственного общества служат ресурсами мягкой силы. Это позволяет расценивать исторический опыт турецкого государства как некую идеальную модель для политий, преобразованных «Арабской весной».

Шиитский ислам демонстрирует иные подходы к адаптации политики. Догматика данного течения содержит сложную систему легитимации политической власти, основанной на обязательной преемственности руководителей государства к линии праведных имамов, истинных наследников пророка Мухаммеда. Это значит, что актуальной остается проблема практической реализации изменений, в виду сложности наложения на них религиозной санкции. Выход кроется в исламском принципе иджтихада – придания современных смыслов религиозному обоснованию политических процессов. Это делает исламское духовенство основой адаптивности, так как они получают религиозное право выражения интересов общины.

Институционально власть шиитов закреплена и реализована только в Иране. Персидский опыт адаптации своей политики берет начало в первой половине XX века, когда династия Пахлеви стала копировать западные клише преобразований в обществе, а потом и кемалистский опыт Турции. Несмотря на определенные экономические успехи данных начинаний, их совокупным итогом стал конфликт между шиитским исламом и ша-

хиншахом [9, p. 21]. Любые инновации в стране были обречены на противодействие со стороны духовенства и народных масс, нивелирующее даже позитивные итоги новаций. Секуляристские тенденции развития противоречили особенностям легитимации власти в шиитском государстве. Учитывая тот факт, что линия имамов угасла, для придания легитимности нахождению у власти представителей духовенства была разработана концепция «сокрытого имама». Согласно этой концепции, до появления мехди, то есть проявления праведного имама, управление государством передается в руки исламского духовенства, а лидер муджтахидов берет на себя функцию опеки над государством. Подобная концепция обоснования власти высшего духовного лица появилась с помощью переосмысления исламского принципа «веляят-е факих» и была закреплена в конституции.

В целом, дискурс адаптивности исламской политики призван разрешить проблемы негативных социально-экономических проявлений, вызванных глобализацией. Основу адаптивности составляет исламизм, как концентрированное выражение религиозных ценностей синкретично измененных политической действительностью. Современный исламизм не предполагает идейной реакционной борьбы, но кумулирует идею реванша. Реванша в лучших правилах неолиберализма – путем победы в гонке благополучия.

1. Ахмад Х.М. Ислам отвечает на вопросы современности – СПб, 2004.
2. Ваторопин А.С. Религиозный модернизм и постмодернизм // Социологические исследования: № 11, – 2001.
3. Левин З.И. Реформа в исламе. Быть или не быть?: опыт системного и социокультурного исследования – М, 2005.
4. Малашенко А. Исламизм на все времена // Свободная мысль: № 12, – 2004.
5. Малашенко А. Исламская альтернатива и исламский проект. – М, 2006.
6. Мамедова Н. Иранская модель модернизации // Мировое и Национальное Хозяйство: № 1 (4), – 2008.
7. Фукуяма Ф. Америка на распутье – М., 2008.
8. Islam and Modernity // Edited by M. Kh. Masud, A. Salvatore, M. van Bruinessen – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009.
9. Nader A. Thaler D.E. The Next Supreme Leader: Succession in the Islamic Republic of Iran – Santa Monica, 2011.

1. Axmad X.M. Islam otvechaet na voprosy sovremennosti – SPb, 2004.
2. Vatoropin A. S. Religioznyj modernizm i postmodernizm // Sociologicheskie issledovaniya: № 11, – 2001.
3. Levin Z.I. Reforma v islame. Byt' ili ne byt'?: opyt sistemnogo i sociokul'turnogo issledovaniya – M, 2005.
4. Malashenko A. Islamizm na vse vremena // Svobodnaya mysl': № 12, – 2004.
5. Malashenko A. Islamskaya al'ternativa i islamskij projekt. – M, 2006.
6. Mamedova N. Iranskaya model' modernizacii // Mirovoe i Nacional'noe Hozyajstvo: № 1 (4), – 2008.
7. Fukuyama F. Amerika na rasput'e – M., 2008.
8. Islam and Modernity // Edited by M. Kh. Masud, A. Salvatore, M. van Bruinessen – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009.
9. Nader A. Thaler D.E. The Next Supreme Leader: Succession in the Islamic Republic of Iran – Santa Monica, 2011.

UDC 327.2

THE DISCOURSE OF ADAPTABILITY IN ISLAM: FROM ISLAMIZATION FOR REVENGE

Isakov Aleksandr Sergeevich,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Department of Russian Academy of Science,
graduate student,
Ekaterinburg, Russia.
E-mail: as.isacov@gmail.com

Annotation

The article investigates the phenomenon of adaptability in Islam through the prism of discourse-analysis.

Key words:

Islam, islamization, discourse, adaptability, eurointegration, globalization.